

В романе упоминалось, что два младших брата Шэнь Цзина умерли у него на руках, но никаких подробностей не описано.

Шэнь Фан откинулся на спинку дивана и потер нижнюю губу костяшками пальцев: "Твой второй дядя был профессором. Его единственное хобби - чтение, поэтому Шэнь Цзин регулярно дарил ему книги, которые ему нравились. Каждая страница обрабатывалась определенной дозой. Тяжелые металлы, эти вещества попадают в организм при контакте с кожей и при дыхании, накапливаются с течением времени, и в конце концов твой второй дядя умер от осложнений, вызванных отравлением."

Лицо Шэнь Цинчи стало бледнее.

"Твой третий дядя любил гонки, поэтому Шэнь Цзин поработал с тормозами в его машине, чтобы он попал в аварию во время заезда." Шэнь Фан наблюдал за реакцией собеседника. "Угадай, какова была мотивация твоего отца, чтобы убить их?"

Шэнь Цинчи задрожал всем телом, крепко сжимая отслеживающее устройство в форме пуговицы кончиками пальцев: "Это ... они хотели побороться за собственность семьи?"

"На самом деле, это не так, - сказал Шэнь Фан, - все произошло, просто потому, что твой второй дядя был умен, и будучи ученым, он полностью пренебрегает семейным бизнесом. У твоего третьего дяди был вспыльчивый характер, и он несколько раз ссорился с Шэнь Цзином, к тому же он был очень популярен и имел хорошие связи в гоночной команде."

"Все просто потому, что твой отец думал, что они 'могут' представлять угрозу для него самого." Шэнь Фан взял пачку сигарет с кофейного столика, вытащил из нее одну и зажал ее зубами.

Лицо Шэнь Цинчи было ужасно бледным, и прошло много времени, прежде чем он с трудом выдавил из себя: "Он... не мой отец."

Итак, "у отца-тигра не может быть сына -собаки" - это действительно правда.

Шэнь Цзин и Чжоу Ванян, отец и сын, оба несли на своих плечах человеческие жизни, и они достойны того, чтобы быть биологическими родственниками.

Роман с собачьей кровью...Это действительно роман с собачьей кровью!

Шэнь Цинчи подумал, что если однажды он умрет в этом новом мире, то, должно быть, будет забит до смерти.

"Это не самое лучшее, - Шэнь Фан кивнул,-отдай мне."

Шэнь Цинчи протянул ему жучка, которого продолжал держать в руке. Шэнь Фан взял его и бросил прямо в стакан с водой. Устройство опустилось на дно, появилось несколько пузырьков, и оно перестало работать.

Шэнь Цинчи посмотрел на поврежденного жучка, крепко сжал кулаки и тихо сказал: "Дядя, ты можешь помочь мне найти моих биологических родителей?"

Шэнь Фань поднял голову, и сигарета, которую он держал, затряслась вверх-вниз, когда он заговорил: "После того, как ты узнал, что не является родственником семьи Шэнь два года назад, почему ты не искал их?"

"Я попросил Шэнь Цзина помочь мне найти их, и он согласился. Он сказал, что после того, как я познакомлюсь с ними, я смогу сам решать с кем мне жить. До тех пор он всегда будет считать меня своим сыном. Но прошло два года, а новостей вообще нет."

Голос Шэнь Цинчи слегка дрогнул: "Я подозреваю, что он вообще не искал их, и он на самом деле никогда не планировал позволить мне уйти. Даже, когда они нашли Чжоу Ваняна. В течение этого времени они очень пристально следили за мною и забрали мое письмо о приеме ... Я действительно не могу понять, что они хотят сделать."

"Я думал, ты понял это давным-давно", - Шэнь Фан взял зажигалку со стола и сделал первую затяжку. Прикурив, он сразу положил сигарету в пепельницу. "Очевидно, что растить шестнадцать лет не того ребенка - это скандал для них. У тебя, Шэнь Цинчи, отличные оценки, но Чжоу Вангянь просто невежественный сопляк. Даже если ему разрешат продолжить учебу еще десять лет, его не примут в Цинда."

"...."

"Как гарантировать, чтобы их сын был одновременно родным и превосходным в учебе? Лучший способ - позволить ему полностью заменить тебя, Чжоу Ванянь становится Шэнь Цинчи и поступает в университет с твоим письмом о приеме. Что касается настоящего Шэнь Цинчи, конечно, было бы неплохо ему полностью исчезнуть."

Глаза Шэнь Цинчи расширились от недоверия: "Ты имеешь в виду..."

"Ты просил меня о помощи, разве ты этого не понимал? Кажется, что ты не так глуп, как я думал, но ты и не так умен." Шэнь Фан поднял пепельницу. "Отнеси ее на балкон, не забудь открыть окно и закрыть дверь."

Шэнь Цинчи долгое время был ошеломлен и не протягивал руку, чтобы взять ее.

"А что, тебе так нравится быть пассивным курильщиком? Почему бы тебе не убрать это?"

Шэнь Цинчи очнулся, быстро взял пепельницу и вынес ее на балкон, сигарета еще дымилась.

Шэнь Фан рассказал ему об этом, и казалось, что он полностью доверяет ему.

Дядя, вероятно, не слышал, что он сказал, когда ссорился с родителями Шэнь, иначе он бы так не отреагировал.

Оглядываясь назад, он вспомнил, что в то время рюкзак с просушкой был брошен им у входа в гостиную, а ссора произошла у двери его спальни. На таком большом расстоянии, можно было записать только крики Шэнь Му.

Его удача не так уж плоха.

Хорошо бы, чтобы чрезмерно осторожный Шэнь Фан больше не сомневался в нем, тогда, его планы на будущее могли быть намного проще.

Шэнь Цинчи закрыл балконную дверь и вернулся в гостиную. Он услышал, как Шэнь Фан сказал: "Я помогу тебе поискать твоих родителей, но не надейся слишком сильно."

Шэнь Цинчи послушно сказал: "Спасибо, дядя."

Его не волновало, сможет ли он найти своих биологических родителей. В конце концов, он вырос в детском доме и никогда не питал никаких иллюзий или ожиданий по поводу слова "родители".

Он просто хотел дать первоначальному владельцу объяснение.

В случае, если этот парень сможет однажды вернуться, он все еще надеялся, что он сможет жить со своей настоящей семьей.

"Что ты хочешь съесть на обед?"-спросил Шэнь Фан.

Шэнь Цинчи ответил: "Все в порядке, я не привередливый."

Шэнь Фан нахмурился: "Я спросил тебя, что ты "хочешь" съесть, но я не спрашивал тебя, какой ты."

"Ах..." Шэнь Цинчи немедленно поправился. "Я хочу съесть горячую, кислую лапшу".

"Горячая, кислая лапша, верно?" Шэнь Фан немного подумал, затем встал: "Хорошо, ты немного подожди."

Шэнь Цинчи смотрел, как он идет на кухню, и внезапно остановил его: "Дядя, у тебя ... у тебя больше не болят руки?"

Тот замедлил шаг и остановился: "Если я скажу, что это больно, ты будешь сам готовить?"

Шэнь Цинчи поджал губы.

Он так и думал.

Жаль, что прежний владелец не умел готовить, и гам он тоже не особенно это любит.

Он прошептал: "Я имею в виду, почему бы тебе не нанять тетушку?"

"Я не люблю, когда посторонние входят в мой дом."

Шэнь Цинчи моргнул: "Тогда дядя имеет в виду....Разве я не посторонний?"

Шэнь Фан резко оглянулся на него.

Лицо молодого человека было простым и искренним. Казалось, что на самом деле он был просто хорошим учеником, который спрашивал из любопытства. Его глаза были чистыми и ясными, как будто он не мог скрыть ничего, что у него на уме.

Пристальный взгляд Шэнь Фана остановился на его лице, подозревая, что он слишком много думает.

Спустя долгое время он, наконец, сказал: "Это зависит от твоего поведения."

Шэнь Цинчи смотрел, как его спина исчезает за дверью кухни, и невинная безбидность в его глазах мгновенно превратилась в какое-то торжествующее коварство.

Дядю довольно легко обмануть.

Он вспомнил, что единственным настоящим хобби Шэнь Фана, упомянутым в романе, было заботой о бездомных животных, особенно кошек. Жаль, что для поддержания своей щегольской индивидуальности он не смог оставлять их себе. В основном, он заботился о больных и раненых бездомных животных, пока они не выздоравливали. После этого, он находил для них новых хозяев.

Шэнь Фан открыл для него свой дом дождливой ночью. Цинчи надеялся, что он не будет обращаться с ним, как с бездомным животным.

Шэнь Цинчи, Чучу или бедняжка Цинчи послушно ждал, когда его накормят.

Шэнь Цинчи пол дня боролся за свою свободу и был голоден. Он почувствовал аромат из кухни и вздохнул.

Наконец, он услышал, как Шэнь Фан зовет его: "Приди и помоги!"

Шэнь Цинчи подал на стол две горячие лапши, взялся за палочки для еды и, посмотрев на слой красного масла, плавающего в миске, с жадностью сглотнул.

Однако, в соответствии с принципом "притворяясь хорошим, он должен показать полный набор", он решительно отказался есть, до того, как Шэнь Фан возьмет свои палочки для еды.

Тот сел напротив него и увидел, что он отчаянно терпел как маленький жадный кот, которому положили еду, и он слишком осторожен и не осмеливается приблизиться.

Поэтому он сказал: "Ешь быстро, нет необходимости следовать правилам в моем доме."

"Спасибо тебе, дядя."

Шэнь Цинчи перестал быть вежливым, взял свои палочки для еды, и попробовал.

Как только он прожевал, он почувствовал, что рот горит от щек до корней ушей. Он не смог удержаться, чтобы не высунуть язык: "Это так остро!"

Шэнь Фан, казалось, давно ожидал от него такой реакции, и улыбка, появившаяся на его губах, выглядела резковатой: "Острая, кислая лапша, как ты сам заказал? Не трать еду впустую."

"... горячая, кислая лапша, которую я ел раньше, не такая острая, как эта", - обиженно посмотрел на него Шэнь Цинчи. - "Дядя сделал это нарочно?"

"Как ты можешь говорить, что я сделал это нарочно? Позволь мне просто спросить тебя, это вкусно?"

Острота первого кусочка прошла, и Шэнь Цинчи не мог дождаться, чтобы откусить второй. Его язык, вероятно, адаптировался, и вкус больше не казался невыносимо острым, а во рту разлились более насыщенные ощущения.

Шэнь Цинчи испытывал боль и был счастлив, снова и снова кивая: "Это восхитительно!"

"Это восхитительно", - сказал Шэнь Фан с улыбкой. "Я не ожидал, что ты любишь острую еду и

напиваться?"

Палочки для еды Шэнь Цинчи замерли.

На самом деле, он любил острую пищу, но его собственное тело и желудок были не очень хороши. Когда он ел острую пищу, у него болел живот. Каждый раз, когда он выходил поесть горячего со своим соседом по комнате, он мог заказать только утку в горшочке. Он ел прозрачный суп, но очень любил острую пищу. Теперь, когда он поменял тело, он может ее есть.

Но ... любил ли первоначальный владелец острую пищу? Он действительно не знал, что тот предпочитает, это никогда не было описано в романе. Даже в этом видно, что "Шэнь Цинчи" - это законченное пушечное мясо.

Шэнь Цинчи некоторое время молчал: "Просто я давно не ел, и скучал по такой еде. Я не люблю пить. в прошлый раз я не смог удержаться."

Шэнь Фан издал "о", как будто его не удивил его ответ: "Я тоже не думаю, что ты любитель выпить. На вашем семейном банкете не подавали острые блюда. Я думал, никто из вашей семьи не любит острую пищу."

"... это Чжоу Ванян не любит острую пищу", - Шэнь Цинчи опустил глаза. "Конечно, банкет для него, и блюда подобраны в соответствии с его предпочтениями. Что касается меня, я просто лишний человек."

Чем больше он говорил, тем тише становился его голос, и тон его был слегка сдавленным, а на его красивом лице читалось неприкрытое одиночество.

Шэнь Фан почувствовал его обиду и вздохнул. Он подумал в своем сердце, что Шэнь Цинчи на самом деле все еще ребенок. После пережитого он выглядел сильным внешне, но в глубине души ему, должно быть, было грустно.

Он вспомнил свое предыдущее отношение к племяннику, почувствовал себя виноватым и утешил его: "Ну, не думай о несчастных. С этого момента просто говори мне, что ты хочешь поесть. Если это возможно, я приготовлю для тебя."

Услышав это, Шэнь Цинчи снова поднял голову, дымка на его лице рассеялась, и в глазах снова появился свет. Он удивленно сказал: "Правда?"

"Конечно, я не твой лживый отец. я делаю то, что говорю. Давай поедим."

Они вдвоем ели горячую и кислую лапшу. Для Шэнь Цинчи это было слишком остро, он все время задыхался, его щеки и уши были покрыты румянцем, а губы покраснели и припухли. Он

выглядел жалко, как будто над ним издевались.

Шэнь Фан взглянул на него, не в силах отвести глаза, вспоминая, что, когда Шэнь Цинчи вышел из-за стола пьяным на банкете в честь приема, казалось, что он выглядел также. Его лицо было немного красным, и он был расслабленным и опьяненным, словно готовым упасть в его объятия. Казалось, он смог поступить с ним по своему желанию. .

Теперь он полностью поверил, что Чжоу Ванян, возможно, действительно пытался сделать что-то, когда пытался вломиться в комнату Шэнь Цинчи.

Шэнь Фан кашлянул и отмахнулся от тех мыслей, которые не должны были появляться у него в голове: "Это действительно так остро?"

Шэнь Цинчи поднял голову и сказал со слезами на глазах: "Это самая острая лапша, которую я когда-либо ел."

"Кто говорил, что ему нравится острое?", - спросил Шэнь Фан и пошел на кухню, чтобы принести коробку молока. "Выпей это, чтобы снять воспаление."

Шэнь Цинчи, казалось, увидел спасательный круг и быстро ухватился за него: "Спасибо."

Упакованное молоко со сроком годности девять месяцев не так хорошо, как свежее, но это лучше, чем ничего. Шэнь Цинчи выпил упаковку на одном дыхании и, наконец, почувствовал себя немного лучше.

То, как он пил молоко через соломинку, было настолько воспитанным, что Шэнь Фан не удержался от того, чтобы не посмотреть на него: "Кстати, ты живешь в той комнате, где спал прошлой ночью."

Шэнь Цинчи кивнул: "Хорошо."

Шэнь Фан, казалось, надолго замолчал, а затем сказал: "... твои личные вещи, держи их при себе, не теряй их."

"Да?" Шэнь Цинчи непонимающе посмотрел на него: "Я что-то забыл?.....точно, зарядное устройство?"

"Только зарядное устройство?"

Шэнь Цинчи напряженно думал: "Нет ничего ... ничего другого."

Шэнь Фан хотел подождать, пока он вспомнит, но так и не дождался ответа. Он ничего не мог сказать по этому поводу, поэтому ему пришлось предупредить: “Короче говоря, осторожность не помешает.”

Шэнь Цинчи закивал головой: “Хорошо.”

И подумал про себя: разве это не просто пара трусов?

Он намеренно оставил их.

<http://bllate.org/book/13780/1216356>